

Какое несчастье, что человек не может обрести добро,
не изведав сначала зла

ЗАМЕТКИ О ДЕЛАХ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ГРАЖДАНСКИХ



ФРАНЧЕСКО ГВИЧЧАРДИНИ

PRO власть (Рипол)

Франческо Гвиччардини

**Заметки о делах
политических и гражданских**

«РИПОЛ Классик»

УДК 122/129
ББК 87.3(4Ита)

Гвиччардини Ф.

Заметки о делах политических и гражданских /
Ф. Гвиччардини — «РИПОЛ Классик», — (PRO власть
(Рипол))

ISBN 978-5-386-09419-5

Эта книга была написана Франческо Гвиччардини – выдающимся политическим мыслителем, государственным деятелем и военачальником эпохи Возрождения. Спустя столетия книга его не только не утратила своей актуальности, но и может считаться настольной для любого образованного, мыслящего человека, который интересуется современной политикой и общественной жизнью.

УДК 122/129
ББК 87.3(4Ита)

ISBN 978-5-386-09419-5

© Гвиччардини Ф.
© РИПОЛ Классик

Содержание

Гвиччардини – политик и моралист	6
Заметки о делах политических и гражданских	17
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Франческо Гвиччардини
Заметки о делах
политических и гражданских

© Муравьева Г. Д., перевод на русский язык, 2016

© Брагина Л. М., комментарии, вступительная статья, 2016

© Издание, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2016

Гвиччардини – политик и моралист

Франческо Гвиччардини родился 6 марта 1483 г. во Флоренции, в семье, обладавшей солидным состоянием и политическим весом. Об этом не без гордости писал он в «Семейной хронике», отмечая, что многие предки из рода Гвиччардини в XIV и XV вв. избирались многократно в высшие магистратуры Флорентийской республики и пользовались уважением сограждан¹. Отец Франческо, Пьеро Гвиччардини, чья деятельность пришлась на эпоху тирании Медичи, старался продолжать традиции рода, занимал различные посты в государственных структурах Флоренции и не раз выполнял почетные поручения синьории в должности приора, комиссара или посла. Мать Франческо, Симона ди Буонджанни Джанфильяцци, принадлежала к древнему знатному роду Флоренции.

Пьеро Гвиччардини стремился дать сыну достойное образование, принятое в его среде, и мечтал о юридической карьере для Франческо, которая не только обещала обеспеченную жизнь, но и открывала путь к государственной деятельности. Как рассказывает Франческо в «Воспоминаниях о самом себе», «с самого нежного возраста я, по воле отца моего, Пьеро, старательнейшим образом воспитывавшего своих детей, стал изучать словесные науки и приобрел, кроме знания латинской литературы, некоторые сведения в греческом языке, но с годами я его забыл, так как упражняться в нем мне не пришлось; я очень хорошо выучил арифметику и кое-что узнал в логике, правда, очень мало, а затем стал изучать право»². В 1498 г. Гвиччардини стал посещать занятия в университете Флоренции, а с 1501 по 1505 г. обучался гражданскому и каноническому праву сначала в Студии Феррары, а затем в Падуанском университете, пользовавшемся особенно высокой репутацией.

Степень доктора права Гвиччардини получил в университете Пизы в 1505 г., и вскоре ему предложили читать лекции по праву во Флоренции. Свой лекционный курс он завершил в 1506 г., всецело отдавшись адвокатской практике – вел дела как частных лиц, так и некоторых городских корпораций. В 1508 г. Франческо женился на Марии Сальвиати из знатной, хотя и не очень богатой семьи. Возмужание Франческо Гвиччардини и начало его профессиональной деятельности совпало с активизацией Итальянских войн, начавшихся в 1494 г. вторжением французской армии во главе с королем Карлом VIII. Предлогом послужили династические притязания Франции на Неаполитанское королевство, где за полвека до этого воцарилась Арагонская династия. Противоборство Франции и Испании, а со временем в него включилась и Германская империя, затянулось на долгие годы (мир был подписан лишь в 1559 г.) и вовлекло в водоворот военных и политических событий большинство итальянских государств. Сплочению последних для отпора внешним врагам мешали политическая раздробленность страны и противоречия их внутренних интересов. Флоренция стремилась занимать нейтральную позицию, хотя далеко не всегда это оборачивалось для нее благом. К тому же республика после изгнания Медичи в 1494 г. переживала пору реформирования государственной системы, сопровождавшегося острой политической борьбой между сторонниками реставрации демократических порядков и их противниками, прежде всего из числа приверженцев режима Медичи.

Гвиччардини глубоко волновала ситуация в стране, и в частности в родном городе, что послужило толчком к его серьезным занятиям историей. В 1508–1509 гг. он создал свой первый значительный труд – «Историю Флоренции»³, в котором описал события, начиная с вос-

¹ Гвиччардини Фр. Семейная хроника // Гвиччардини Фр. Соч. М., 1934. С. 233.

² Гвиччардини Фр. Воспоминания о самом себе // Гвиччардини Фр. Указ. соч. С. 304.

³ Перевод на русский язык ряда глав «Истории Флоренции» (с IX по XVI) опубликован в кн.: Сочинения великих итальянцев XVI века / Под ред. Л. М. Брагиной. СПб., 2002. С. 72–140.

стания чомпи – поденщиков шерстяных мануфактур, – потрясшего город в 1378 г., и кончая битвой при Адде 14 мая 1509 г., в которой венецианцы потерпели поражение от французов. Гвиччардини не предназначал свое сочинение для опубликования, но ставил своей целью осмыслить особенности политического устройства Флорентийской республики и оценить роль борьбы за власть между различными группировками правящего слоя в ее судьбе. Уже в этой работе проявились качества будущего выдающегося историка и политического мыслителя – глубокий анализ фактов с опорой на документы, выяснение причин и обстоятельств важных событий, понимание значения противоборства соперничающих политических сил, стремление к объективности оценок конкретных ситуаций и государственных деятелей.

Вскоре авторитетному юристу, проявлявшему активный интерес к событиям своего времени, представилась возможность непосредственно заняться политической деятельностью: в 1511 г. он был назначен послом ко двору арагонского короля, где пробыл до конца 1513 г. Синьория (высший исполнительный орган республики) и вернувшиеся к власти во Флоренции в 1512 г. Медичи остались довольны дипломатической деятельностью Гвиччардини, присылавшего обстоятельные отчеты о настроениях в высших кругах Испании.

Свободное от службы время Гвиччардини посвящал литературному труду, вновь обратившись к размышлениям о конституционном переустройстве флорентийского государства. Результатом явился труд «Рассуждение в Логроньо» (1512–1513), которому Гвиччардини дал и более точное название – «О способах сохранить народное правление с Большим советом после того, как на Мантуанском сейме имперцами, испанцами и папой решено вернуть Медичи во Флоренцию». Как и в «Истории Флоренции», в «Рассуждении» Гвиччардини не подвергает сомнению достоинства республиканского правления, считая его наиболее пригодной для Флоренции формой государственного устройства. Возвращение Медичи, стремившихся ликвидировать демократические традиции во Флоренции, делало особенно острым и актуальным вопрос о ее государственном устройстве. В «Рассуждении в Логроньо» Гвиччардини выдвинул четкую программу государственной реформы с целью создания оптимальной, по его убеждению, системы правления при сохранении традиционной свободы, «свойственной нашему городу и естественной для него»⁴.

Понятие свободы (*libertas, liberta*), ставшее символом Флоренции после принятия в 1293 г. «Установлений справедливости» – пополанской Конституции, отстранившей от власти грандов и предоставившей членам цехов право участвовать в выборных государственных органах, прочно укоренилось в последующие столетия в политическом менталитете и лексиконе флорентийцев. Оно означало прежде всего республиканские свободы с правом граждан управлять государством через систему выборов в городские магистратуры. Для Гвиччардини в «Рассуждении в Логроньо» важен и иной аспект свободы – «чтобы законы и общественный порядок преобладали над устремлениями частных лиц»⁵. Основу свободы и ее гаранта он видит в Большом совете, олицетворяющем народ (*popolo*). В первое десятилетие XVI в. его состав доходил до тысячи человек. Однако для сохранения свободы, по Гвиччардини, необходимо создать еще один государственный орган, которого не было в структуре Флорентийской республики, а именно сенат, который состоял бы из избираемых пожизненно самых достойных граждан. Это консультативный орган, с которым следует советоваться синьории и Большому совету по всем важным делам внутренней и внешней политики. По мысли Гвиччардини, сенат призван обуздывать стремление гонфалоньера справедливости – главы синьории (с 1502 г. эта должность стала пожизненной) – к единовластию и в то же время корректировать «невежество многих» из числа членов Большого совета. Именно поэтому в состав сената следует включать мудрых, способных к управле-

⁴ Guicciardini Fr. *Dialogo e discorsi del reggimento di Firenze* / A cura di R. Palmarocchi. Bari, 1932. P. 219.

⁵ См.: «...Uno prevalere la leggi ed ordini publici allo appetito delli uomini particolari» (Guicciardini Fr. *Op. cit.* P. 223).

нию государством граждан, «чтобы важные решения принимались теми, кто понимает их значение»⁶.

В предложенном Гвиччардини проекте реформ не следует усматривать отход от республиканских устоев в сторону олигархии⁷. Во-первых, не шла речь о сокращении Большого совета, который рассматривался автором «Рассуждения» как надежная гарантия свободы, а во-вторых, главной целью реформы, по убеждению Гвиччардини, было повышение профессионального уровня государственной политики, ради чего и следовало создать сенат.

Проекту реформ, намеченному в «Рассуждении в Логроньо», не суждено было сбыться. Гвиччардини вернулся во Флоренцию в начале 1514 г., в пору, когда власть вновь принадлежала Медичи. Оставаясь убежденным республиканцем, он искал, однако, путей сотрудничества с Медичи в надежде повлиять на их политику и склонить к проведению задуманных им реформ. Приходилось идти на компромисс. Так, он оказался избранным в состав синьории в числе доверенных лиц Медичи и использовал свое положение, чтобы дать совет правителям, как добиться политической стабильности в городе. И если он не настаивал прямо на создании сената, то все же рекомендовал Медичи учитывать интересы всех граждан Флоренции и опираться на «мудрых людей, имеющих большой опыт»⁸.

Как и прежде, Гвиччардини волновала проблема компетентности власти, без которой невозможна, по его убеждению, оптимальная государственная политика. Но еще больше он опасался установления во Флоренции единовластия и утраты демократических институтов. В публичной речи в 1516 г. он вновь советовал Лоренцо Медичи не стремиться к утверждению своей абсолютной власти и тем более не оформлять единоначалие юридически, но предлагал сохранить гражданские свободы, не выдвигая их на первый план⁹. Он подчеркивал, что утверждение единоличной власти правителей из рода Медичи опасно и для них самих, и для города в целом, где слишком сильны республиканские традиции.

Лоренцо Медичи не внял советам умного, здравомыслящего политика, а предпочел деликатно удалить его из Флоренции, порекомендовав папе Льву X принять Гвиччардини к себе на службу¹⁰. В 1516 г. папа назначил его правителем Модены и ее округа с титулом комиссара, обладающего и военной властью. Гвиччардини принял предложение Льва X (Джованни деи Медичи, сына Лоренцо Великолепного) и исполнял обязанности комиссара Модены, а с 1517 г. и Реджо, до весны 1524 г., когда новый папа, Климент VII (Джулио деи Медичи), направил его в Романью в качестве президента с широкими правами юрисдикции. Гвиччардини удалось восстановить порядок в этой области папских владений, а после битвы при Павии в начале 1525 г., когда французы потерпели поражение от итало-испанских войск, он был назначен начальником папских и флорентийских отрядов.

Став активным участником событий, связанных с Итальянскими войнами, Гвиччардини попытался использовать свой авторитет и высокие полномочия, чтобы создать союз итальянских правителей с Францией с целью избавить страну от испанского господства (к этому времени Испания реально владела Неаполитанским королевством, Миланским герцогством и рядом других территорий). Однако эта попытка оказалась неудачной: в мае 1527 г. последовало разграбление Рима испано-имперскими войсками, а из Флоренции были

⁶ См.: «...Accit che le resoluzioni importanti si faccino per mano di che sappi et intenda» (*Guicciardini Fr. Op. cit. P. 241*).

⁷ Мне представляется убедительной позиция Н. Рабинштейна, который в отличие от некоторых историков не видит в проекте Гвиччардини, настаивающего на создании сената, стремления к утверждению олигархии во Флоренции. Н. Рабинштейн полагает, что речь шла всего лишь о более совершенной государственной системе для Флорентийской республики (*Rubinstein N. Guicciardini politico // Rinascimento. Firenze, 1986. Vol. 26. P. 161–191*).

⁸ См.: «...Uomini savi e che hanno grande esperienza e maturita» (*Guicciardini Fr. Op. cit. P. 271*).

⁹ *Guicciardini Fr. Op. cit. P. 281*.

¹⁰ Еще в 1515 г. папа Лев X включил Гвиччардини в число адвокатов консистории (*avvocato consistoriale*) – должность не слишком обременительная, но почетная.

изгнаны Медичи и в ней вновь восстановлена республика. Папа Климент VII обвинил Гвиччардини в том, что тот способствовал своей политикой активизации действий императора Карла V, приведших к позорному падению Рима, и отстранил его от службы. Гвиччардини вернулся во Флоренцию, вновь питая надежду на реформирование ее государственной системы, но республиканцы не захотели простить ему службу у Медичи. Оставшись не у дел, опальный политик в 1527 г. удалился в свое имение под Флоренцией, где оставался до конца 1529 г.

В годы сельского уединения Гвиччардини вернулся к литературному труду – завершил начатый еще в 1523 г. «Диалог об управлении Флоренцией» и написал большую часть «Заметок о делах политических и гражданских». «Диалог» отразил его размышления о проблеме государственного устройства Флоренции, всегда волновавшей его как политика, которую он стремился рассмотреть здесь в историческом аспекте. Он подверг детальному разбору достоинства и недостатки «правления одного» при Лоренцо Медичи Великолепном и «демократических порядков» при Савонароле. Сравнение двух форм правления, определявших судьбу Флоренции в XV в., привели Гвиччардини в очередной раз к выводу в пользу республики как наиболее пригодной для флорентийцев формы государственного устройства. В «Диалоге» он вновь обращается к идее создания сената как органа, компетентного в вопросах государственной политики. Предлагая создать сенат, Гвиччардини не имел в виду ограничить роль Большого совета, ибо, как и прежде, видел в нем основу республиканского строя Флоренции. В то же время он не был склонен и расширять полномочия Большого совета, полагая невозможным обсуждение серьезных и секретных вопросов дипломатии и войны в столь многочисленном составе – такие вопросы должны входить в компетенцию сената¹¹.

И вновь политические планы Гвиччардини не получили практического воплощения. Под натиском испано-имперских войск Флоренция пала после длительной осады в августе 1530 г., власть Медичи была восстановлена. Весной того же года Гвиччардини отправился в Рим, надеясь вернуться на службу к папе Клименту VII. После падения Флоренции папа, заключивший союз с императором Карлом V, направил Гвиччардини в город, предоставив ему полномочия управлять им наряду с Франческо Веттори и Роберто Аччайуоли. Спустя несколько месяцев Климент VII поручил Гвиччардини управление Болоньей (он находился на этой службе с 1531 по 1534 г.). В 1534 г. Гвиччардини снова вернулся во Флоренцию уже в качестве одного из советников герцога Алессандро Медичи. Он предлагал герцогу окружить себя преданными и мудрыми, опытными в политике людьми с безупречной репутацией. Алессандро не спешил воспользоваться советами Гвиччардини. Не стал прислушиваться к его рекомендациям и герцог Козимо I Медичи, пришедший к власти во Флоренции после убийства Алессандро в 1537 г. Оставив попытки влиять на государственные дела, Гвиччардини провел последние годы жизни в своем имении Арчетри под Флоренцией, где умер в мае 1540 г. Свои усилия он посвятил созданию «Истории Италии» (она охватывает события с 1492 г., года смерти Лоренцо Великолепного, по 1534 г., оставшись незавершенной). В этом труде, посвященном эпохе Итальянских войн, историк попытался выявить глубинные причины неудач, постигших страну в ходе длительных и разорительных для нее войн. «История Италии» – первый труд такого рода – была опубликована в 1561–1564 гг. и принесла Гвиччардини славу выдающегося историка эпохи Возрождения¹². Если как политический мыслитель Гвиччардини придерживался республиканских убеждений и настойчиво проводил в своих сочинениях мысль о необходимости оптимизации государственной системы Флорен-

¹¹ Guicciardini Fr. Op. cit. P. 102.

¹² Написанная по-итальянски «История Италии» была вскоре после опубликования переведена на латинский, немецкий и французский языки и до конца XVI в. выдержала 16 изданий в Венеции, Парме, Базеле, Женеве, Париже, Виттенберге. Сочинение Гвиччардини стало доступно всей образованной Европе и оказало заметное воздействие на историко-политическую мысль эпохи.

ции при одновременном функционировании Большого совета, сената и синьории с сохранением демократических традиций, то как политик-практик он был прагматиком и старался идти на компромисс с любым режимом. Эта двойственность – а ее можно считать и трезвым взглядом на реалии своего времени – нашла яркое и достаточно искреннее выражение в его «Заметках о делах политических и гражданских», которые вызвали немало упреков в его адрес и даже обвинений в беспринципности и со стороны современников, и в оценках исследователей.

«Заметки» («Ricordi») Гвиччардини писал на протяжении многих лет (к сожалению, они трудно поддаются точной датировке), фиксируя часто в афористичной форме свои наблюдения за перипетиями политики итальянских государств, размышления о природе власти, искусстве ее реализации, порой облекая их в моральные максимы, суждения об особенностях психологии людей и многом другом, включая взаимоотношения господина с его слугами и прочие «мелочи» из житейской практики. По жанру «Заметки» Гвиччардини близки к так называемой купеческой литературе Флоренции, для которой были характерны всякого рода записки, предназначенные для семейного круга, а не для публикации и изобиловавшие нравственными наставлениями и советами в торговых и политических делах. Однако от купеческой литературы «Заметки» Гвиччардини отличает оригинальность мысли, высокий интеллектуальный и литературный уровень. И хотя автор не предназначал для печати свои «Заметки о делах политических и гражданских» (в одной из рукописей он дал им именно такое название), все же после его смерти они были опубликованы и еще в XVI в. выдержали несколько изданий в Венеции и Париже, обрета славу «золотых поучений»¹³.

Обратимся к моральным сентенциям «Заметок», в которых раскрываются этические воззрения Гвиччардини, его представления о природе человека и его земных интересах. Вот одно из характерных высказываний: «Люди от природы склонны к добру, так что всем, кто не извлекает из зла наслаждения или выгоды, добро милее, чем зло; но, поскольку природа человеческая немощна, а соблазнов множество, люди ради своего интереса легко изменяют природной склонности» (225)¹⁴. Гвиччардини исходит здесь из общего для гуманистической мысли признания, что человек от природы склонен к добру, но, при этом автор «Заметок» далек от идеализации человека, так как видит, что в реальной жизни эта склонность попирается силой личного интереса (*interesse proprio*). Эгоистические цели конкретного человека корректируют его врожденную благорасположенность, и поэтому зло может стать для него предпочтительнее добра. И все же, полагает Гвиччардини, хотя в своих поступках человек обычно следует личному интересу, он может вернуться к основам собственной природы, наученный самой жизненной практикой, проявлениями зла. И не без сожаления констатирует: «Какое несчастье, что нельзя обрести добро, не изведав сначала зла» (146).

Убежденность в изначальной заданности, естественности доброты как главной особенности человеческой натуры была свойственна многим гуманистам; она служила фундаментом, на котором строились их представления о благородстве и достоинстве высшего божественного творения. Гвиччардини же своей трезвой оценкой человека развенчивает его гуманистическую идеализацию, смещая акцент на личный интерес как имманентно присущую ему черту. То же утверждал и Никколо Макиавелли, старший современник и друг Гвиччардини, однако в отличие от последнего он считал, что люди злы от природы¹⁵. Именно понятия «личная польза», «эгоистический интерес» вызывали более всего нареканий критиков «Заметок» Гвиччардини. Впрочем, их автор дает предельно четкую нравственную

¹³ Церковная цензура запретила издание «Заметок» Гвиччардини. В 1559 г. это сочинение наряду с «Декамероном» Боккаччо, «Государем» Макиавелли и рядом произведений гуманистов XV в. было включено в «Индекс запрещенных книг». Тем не менее «Заметки» продолжали издаваться, в частности в Венеции они публиковались в 1583, 1588, 1599 гг.

¹⁴ Здесь и далее в скобках указан номер заметки в настоящем издании.

¹⁵ Эту мысль Макиавелли настойчиво проводит в «Государе» (Макиавелли Н. Избранные произведения. М., 1982).

оценку принципа личной выгоды: «...Попадают впросак те, кто толком не знает, в чем их интерес, и думают, что он всегда состоит в какой-то денежной выгоде более, чем в чести или в умении сохранить свою славу и доброе имя» (218). Честь, слава, доброе имя – эти высокие моральные ценности неразумно, по Гвиччардини, приносить в жертву материальной выгоде. Однако в жизни люди «так корыстны и так мало считаются с интересами других, что не ошибешься, мало кому доверяя и мало на кого полагаясь» (157). И Гвиччардини делает однозначный вывод из своих жизненных наблюдений, утверждая, что плохих людей больше, чем хороших, «в особенности когда дело касается имущества или власти» (201). Однако при этом он не задается вопросом, почему практика так сильно расходится с его теоретическим постулатом о благом начале человеческой природы. Куда больше Гвиччардини интересуют чисто прагматические выводы и рекомендации – как вести себя, когда ты осознал, что поведение большинства людей определяют их эгоистические интересы. Он советует доверять лишь собственному разуму; этот моральный постулат присутствует во многих его высказываниях.

Нельзя не заметить, что этика Гвиччардини имеет отчетливо светскую окраску. Его рассуждения о человеке лишены теологического контекста, они направлены на анализ его жизненных интересов, апеллируют к его высокой созидательной активности в земном бытии. Вот один из примеров его позиции: «...Природа дала нам способность не думать о смерти, ибо если о ней думать, то мир оцепенеет в бездействии» (160). Речь здесь идет, разумеется, не о том, что человеку вообще не следует размышлять о смерти. Скорее это вызов традиции ортодоксальной морализаторской литературы, которая подчеркивала душеспасительное значение постоянного *memento mori*.

Размышления Гвиччардини о роли судьбы в жизни человека близки светской трактовке этой проблемы у выдающегося гуманиста XV в. Леона Баттиста Альберти. Воля и разум человека не могут изменить складывающихся в его жизни обстоятельств, полагает Гвиччардини, но способны помочь ему тем легче перенести житейские невзгоды, чем больше благоразумия он проявит в приспособлении к ним. Отсюда и рекомендация с позиций знатока человеческой психологии: «Преуспевание в жизни – часто злейший враг человека, ибо делает его дурным, легкомысленным, заносчивым; поэтому большее испытание – устоять в счастье, чем в несчастье» (164). Утверждение на первый взгляд парадоксальное, оно как бы взрывает предшествующую традицию гуманистической этики, где стремление к благополучию рассматривалось как важное условие и в то же время как следствие нравственного совершенствования человека. Гвиччардини же ставит акцент не на проблеме счастья и высшего блага, а на психологическом анализе последствий удач и неудач в жизни каждого. Фортуна здесь – главная действующая сила, но ей может и должна, по убеждению Гвиччардини, противостоять воля человека к высокой нравственности. Человеку не дано выбирать свою судьбу, «поэтому достойно высшей похвалы хорошее и толковое исполнение своего дела... каждый может на своем месте обрести честь и хвалу» (373). В конечном итоге, прилагая постоянные усилия и упорство, человек побеждает фортуна усердием и трудом, утверждая свое доброе имя, завоевывая честь и славу. Конечно, многое определяют жизненные условия, которые могут сковывать позитивные задатки людей и способствовать не укреплению добродетели, а возникновению пороков. Поэтому личный интерес, направленный не на завоевание уважения, чести и славы, а на достижение власти и богатства, заслуживает осуждения, по мысли Гвиччардини.

В «Заметках» немало откровенно прагматичных афоризмов. Таково, например, высказывание о славе: «Не дорожи чьим-либо благоволением больше, чем добрым именем. Если утратишь доброе имя, то утратишь и благоволение, вместо этого тебя будут презирать...» (42). Или расхожая истина о бережливости: «Не траться в расчете на будущие доходы, потому что часто их либо не окажется вовсе, либо они будут меньше, чем ты рассчи-

тывал...» (55). Или в очередной раз напоминание об осмотрительности и благоразумии: «От того, сделаешь ты или нет нечто, что кажется ничтожным, часто зависит, какой оборот примут важнейшие дела, поэтому даже в мелочах надо быть осторожным и вдумчивым» (247). Эти и многие другие заметки Гвиччардини призывают к разуму человека и трезвому взгляду на окружающий мир. Они рисуют личность, внутренне собранную, готовую к мгновенной реакции на изменяющуюся ситуацию, сознающую драматический накал жизни. Диалектический подход к любой жизненной проблеме, бесконечные возможности выбора в каждой ситуации различных линий поведения – все это выступает у Гвиччардини как признание противоречивости всего сущего. Эта общая позиция определяет, в частности, и оправдание автором «Заметок» притворства и лжи, что вызывало критику многих исследователей.

Для понимания истинных убеждений Гвиччардини важна следующая заметка: «Всем нравятся люди от природы правдивые и открытые; быть такими, конечно, благородно, но иногда вредно; с другой стороны, притворство полезно, а зачастую необходимо вследствие испорченности человеческой природы, но оно внушает ненависть и дурно на вид; каков должен быть выбор, я не знаю...» (267). Предпочтительнее быть искренним и правдивым в обыденной жизни, «но в некоторых важных и редких случаях следует прибегать к притворству, которое окажется тем полезнее и успешнее, что ему, при твоей репутации, легко поверят» (там же). Моральное кредо Гвиччардини выражено ясно (хотя он и признается, что не знает ответа на такой щекотливый вопрос, как выбор между правдой и ложью): нравственный идеал – благородство, честность, правдивость, однако под влиянием обстоятельств и личного интереса возможны отклонения от «прямой линии» поведения. В конечном итоге, считает он, ложь может обернуться благом и не запятнать доброго имени. Прагматизм, приспособленчество к жизненным реалиям допустимы прежде всего с точки зрения «здравого смысла», которое в этике Гвиччардини оказывается основополагающей добродетелью. Имеет значение и принцип личного интереса, в пользу которого он находит немало убедительных аргументов. Индивидуалистический аспект этики здесь очевиден, он оказывается тесно увязанным с реализмом мышления как нормой.

В этом можно видеть одно из существенных отличий моральной философии Гвиччардини, тонкого наблюдателя своей драматической эпохи, от гуманистической этики предшествующего периода. У Гвиччардини осмысление жизненных реалий оказывается более важным для формулирования моральных постулатов, чем взгляд на действительность через идеализирующие ее очки. Индивидуализм и прагматизм, пожалуй, главные характеристики светской этики Гвиччардини, и потому «одна из самых больших удач, какая может выпасть на долю человека, – получить возможность показать, что поступки, которые он совершил корысти ради, имели целью общественное благо» (142). И хотя принцип служения общему благу признается им высшей этической нормой, как это было в гражданском гуманизме Флоренции XV в. и сохранялось в менталитете народа, Гвиччардини не склонен допускать подчинение личных интересов общественным, государственным.

Судьба каждого отдельного человека в силу ее заданности, предопределенности общественными условиями представляется Гвиччардини куда более самоценной и значимой, чем судьба государства. Конечно, как политик и историк он всегда оставался верным патриотом Флоренции. Но, возможно, именно поэтому в его творчестве с такой резкостью обозначилась проблема, на которую он не дал окончательного ответа: как соотносятся судьба отечества и судьба отдельного его гражданина, его способность к выживанию в «последние времена» родного государства? Отсюда его постоянный интерес в «Заметках» к вопросам политики, к осмыслению природы власти, законам возвышения и падения государств – к тем проблемам, которые волновали и Макиавелли, находя у этого яркого политического мыслителя неординарное, а порой и шокирующее решение.

Гвиччардини сосредоточил внимание в сочинениях, посвященных государственному устройству Флоренции, и в «Заметках», также касающихся политической проблематики, на ином, нежели Макиавелли в «Государе», позволявший правителю любые меры, даже вопреки устоявшейся морали, во имя государственного интереса. У Гвиччардини главной оказывается проблема профессионализма власти, а также вопросы эффективности той или иной формы правления и роли психологии правителей в судьбах народа. Не останавливаясь специально на типологии форм государства, Гвиччардини пользуется традиционной триадой: правление многих, немногих и одного – и отмечает достоинства и недостатки каждой из этих форм власти.

Очевидное предпочтение Гвиччардини отдает республике, или «народному правлению» (*vivere popolare*), которое называет также «свободным строем» (*vivere libero*), подчеркивая этим конституционный характер республиканского правления. Он убежден, что при свободном строе хорошие законы и добрые нравы «охраняются надежнее, чем под властью одного или немногих» (109). Республика хороша именно тем, что в ней существует надежная правовая основа власти. Однако народное правление не означает, что каждый гражданин может управлять государством, – «править должен лишь тот, кто способен и этого заслуживает...» (там же). Правление в республике следует доверить лишь достойным и, главное, компетентным в вопросах политики людям – об этом Гвиччардини вел речь во многих своих сочинениях и особенно подчеркивал эту мысль в «Заметках». Конечно, привлечение к власти опытных, порядочных и мудрых как бы нарушает равноправие граждан, но Гвиччардини это не смущает, поскольку он видит в выборной системе преграду стремлению того или иного магистрата к превышению своих полномочий. Что же касается политической активности основной массы граждан, – «людям мало одной свободы и безопасности, они не успокоятся, пока сами не окажутся у власти» (там же), – то во Флоренции, по его убеждению, это приводило к постоянной борьбе за власть и оборачивалось многими несчастьями. Отсюда и неоднократно высказываемая им идея о необходимости создать сенат. Ибо в конечном итоге успехи государства зависят от профессионализма тех, кто им управляет. Причиной крушения государств, по мнению Гвиччардини, «почти всегда бывают ошибки правителей...» (139). Как вдумчивый и опытный политик, он не только отмечает достоинства республики, но отчетливо видит и ее слабые стороны (227).

Не воздает хвалу автор «Заметок» и монархии, которая, как подчеркивает он, имеет тенденцию оборачиваться тиранией. Правители нередко забывают, что власть вручена им законным порядком не ради их собственного блага, а во имя интересов общества, поэтому, «когда правитель больше считается с собой, чем с народом, он уже не правитель, а тиран» (314). Тирании Гвиччардини не находит никакого оправдания и считает ее худшим злом, выпадающим на долю государств. К тому же тиран себялюбив, коварен и жесток, поэтому, дает совет Гвиччардини, добропорядочный гражданин должен спастись от тирана, как от чумы (101). В монархии Гвиччардини усматривает антипод республике, полагая, что она должна основываться на иных принципах власти – при монархическом режиме нет конституционных свобод, равноправия и политической активности подданных. Структура власти и способы ее утверждения различны в республике и монархии, подчеркивает он: если при народном правлении нужно во всем соблюдать равенство и справедливость, обеспечивая всем безопасность, то монархия, видя свою мощь во власти «сильной руки», должна иметь опору в немногих, выделяя их и одаряя всеми благами (21).

Единовластие, как правило, сопутствует насилие, поскольку государь стремится внушать страх своим подданным. Однако достигать этого следует, по мысли Гвиччардини, не проявляя жестокости: «Хвала тем правителям, которые редко прибегают к наказаниям и расправам, однако же умеют прослыть грозными» (341). Нельзя без особой необходимости «обагрить руки кровью», поскольку «чаще здесь больше потеряешь, чем выиграешь. Ведь

не одни пострадавшие оскорбятся, но многие почувствуют неприязнь...» (342). Государь, владеющий искусством власти, обязан просчитывать последствия своих решений как профессиональный политик. И еще один важный совет дает Гвиччардини: правитель должен хранить в тайне свои намерения. Покров таинственности лишь усилит любопытство подданных, и они станут пристально следить за его поступками и будут относиться к нему с величайшим почтением (270). Умение государя производить нужное впечатление на подданных Гвиччардини относит к числу важных компонентов искусства властвовать. Дилемма «быть или казаться» рассматривается им как психологический и поведенческий прием государя, а нравственная сторона проблемы не имеет однозначного решения. Как уже отмечалось, Гвиччардини допускает возможность прибегать ко лжи, если этого требуют обстоятельства. Тем более такая позиция оправдана в политике. Дезинформацию как политический метод, особенно в дипломатии, Гвиччардини считает вполне допустимой и даже в каких-то случаях полезной, подчеркивая при этом, что границы дозволенного у государя значительно шире, чем у обычных людей.

Субъективный фактор власти в монархиях играет еще большую роль, чем в республиках, ибо многое в политике зависит от характера государя. По наблюдениям Гвиччардини, отрицательно влияют на судьбы подданных спесивость правителя, непредсказуемость его решений и поведения, невежество в делах политики, наконец, жадность или, наоборот, крайняя расточительность. Часто государям не хватает политической мудрости и воли для преодоления отрицательных черт собственного характера, поэтому они, как правило, поступают не как должно и разумно в той или иной ситуации, а по собственному разумению или произволу. И Гвиччардини советует окружению правителя «учитывать не столько то, что государь должен сделать согласно разуму, сколько то, что он может сделать, исходя из своей природы и привычек» (128). И как психолог он возводит этот совет в общеповеденческий принцип: поскольку многие люди поступают вопреки логике разума, всегда следует учитывать их нравы и обычаи.

Продолжая анализировать особенности монархического правления, Гвиччардини останавливается на роли советников государя, от профессионализма которых зависит и его собственный престиж. Хотя просчеты государя поданные приписывают обычно его советникам, этим преимуществом правителю не следует злоупотреблять, считает автор «Заметок»; важнее другое – правильно подбирать советников и больше доверять их мудрости и профессиональным качествам.

Опираясь на свой опыт государственного деятеля, Гвиччардини подробно останавливается на проблеме подбора чиновников из ближайшего окружения монарха: он убежден, что единовластному правителю нужны советники самой высокой квалификации (*di straordinaria sufficienza*). Советники высшего ранга – министры (*ministri*), ведающие важными государственными делами, – должны обладать высокими нравственными достоинствами, быть честными и преданными государю. Однако на практике государи мало следуют этому правилу, окружая себя людьми случайными, и по своему невежеству и несправедливости поощряют не столько честных и старательных, сколько тех, кто служит им плохо. Невежество и несправедливость – серьезный изъян в системе единоличной власти, его усугубляет, подчеркивает Гвиччардини, честолюбие государя, безудержное стремление к собственному величию. «Не нужно проклинать честолюбие и поносить честолюбцев, если они добиваются славы честными и достойными способами... Гадко и презренно лишь то честолюбие, единственная цель которого – собственное величие, как обычно бывает у государей: оно для них идол, поклоняясь которому они жертвуют совестью, честью, человечностью и всем прочим» (32). Равно пагубна для подданных и расточительность государя: ради собственного обогащения и возвеличения он грабит и вымогает, так что тех, кто страдает от его поборов, куда больше, чем тех, кого он одаривает своей милостью (173).

Картина единовластия нарисована в «Заметках» в мрачных тонах. При монархическом правлении слишком велика роль субъективного фактора власти, когда судьба народа и государства в целом зависит в огромной степени от разума и воли правителя, к тому же далеко не всегда хорошо образованного и талантливого политика, часто пренебрегающего мудрыми рекомендациями лучших из своих советников. В этом плане нет особых преимуществ и у республики, при правлении многих, среди которых мало кто действительно способен грамотно управлять государством. Выход для любой формы власти Гвиччардини видит в высокой квалификации политиков, базирующейся на широкой образованности, включая осведомленность в юриспруденции, политических теориях, истории, философии, этике и риторике.

Гуманистическая система образования прочно укоренилась в высших слоях итальянского общества в конце XV – начале XVI в., она становилась нормой и в придворных кругах. Тем понятнее позиция Гвиччардини, обращающего внимание на некомпетентность власти, преодоление которой он видит в постижении науки управления и самими правителями, и всеми теми, кто ведает важными государственными делами. Это полезно и необходимо как монархиям, так и республикам, считает он. Правда, для народного правления он видит выход еще и в создании сената – официального органа коллективной мудрости опытных и образованных политиков, честных, пекущихся об интересах общества, а не о своем собственном благе. В монархиях эта роль может принадлежать компетентным, преданным правителю советникам. Высокая политическая квалификация власти составляет, по убеждению Гвиччардини, главную опору ее прочности, чему может способствовать и искусство управления, точнее, искусность политики. Искусство власти помогает достичь успеха, но не определяет его, главным оказывается владение наукой управления. Такой вывод сделал Гвиччардини, обобщая в «Заметках» свои наблюдения и опыт политика.

Размышления Гвиччардини о природе власти во многом перекликались с идеями гуманистов, писавших о негативных сторонах тиранических режимов и призывавших воспитывать будущих государей в духе гуманистической морали. Особенно близки идеи Гвиччардини о недостатках монархии и необходимости высокой квалификации правителей Альберти, создавшему в произведении «Мом, или О государе» яркую сатиру на систему единовластия¹⁶. Написанное в середине XV в. сочинение Леона Баттиста Альберти ставило проблему компетентности власти, а ее решение связывалось с советом мудрых, опытных, знающих и честных граждан. Идея сената у Гвиччардини оказалась своеобразным продолжением мысли Альберти.

В «Заметках о делах политических и гражданских» нашла частичное отражение и проблематика гуманистической этики, прежде всего вера в добрую природу человека, в силу его разума и воли. Однако в решении некоторых принципиальных вопросов моральной философии Гвиччардини занимал иные позиции, продиктованные его скептицизмом в оценке реальных поступков людей и особенностей их психологического склада. Автор «Заметок» показывает, что добро и зло уживаются в человеке, поэтому оценивать его поступки следует, учитывая время, в которое он живет, его житейские обстоятельства и, безусловно, особенности характера, привычки, нравственное воспитание.

Своеобразный реализм и прагматизм этических постулатов Гвиччардини стали порождением новой эпохи, отмеченной в Италии первых десятилетий XVI в. кризисными явлениями в политической и общественной практике. Это была эпоха высочайшего взлета ренессансной культуры, но и время, когда проверялись на прочность гуманистические идеалы

¹⁶ См.: Брагина Л. М. Проблемы власти в сочинениях Леона Баттисты Альберти «Мом, или О государе» и «О зодчестве» // Королевский двор в политической культуре средневековой Европы: Теория, символика, церемониал. М., 2004. С. 71–80.

итальянского Возрождения. Выдвинутый Гвиччардини принцип личной пользы как главный нравственный ориентир отходит от устойчивых представлений гуманистов о гармонии личности и общества, о служении общему благу и т. д. Этика Гвиччардини стала логическим продолжением наметившегося еще в XV в. (например, у Лоренцо Валлы) процесса становления индивидуалистического мировосприятия. Выдвижение на первый план личного интереса как морального принципа стало симптомом наступления нового этапа в этом процессе, еще более резко отдалившим ренессансное мировоззрение от традиций средневекового корпоративизма, характерного для менталитета человека той поры. Реализм Гвиччардини, сквозь призму которого он подходил к решению проблем политики и морали, был актуален, созвучен веяниям эпохи – раннего Нового времени, приходившего на смену позднему Средневековью. Реализм особенно четко и плодотворно проявился в исторических трудах Гвиччардини, в его стремлении к достоверности излагаемых фактов с опорой на документы, в высокой объективности оценок изучаемых событий и во многом другом, что вписало его имя в когорту наиболее ярких и значительных деятелей Высокого Возрождения.

Заметки о делах политических и гражданских

1. Люди благочестивые говорят, что, кто имеет веру, тот творит великие дела и, как сказано в Евангелии, может двигать горы; происходит так потому, что вера дает упорство. Вера – это твердое мнение, даже уверенность касательно того, что недоступно разуму, либо того, что доступно, но тогда вера – это убежденность гораздо большая, чем дается доводами разума. Итак, кто имеет веру, тот верует с упорством; он вступает на путь свой безоглядно и решительно, презирает трудности и опасности, готов терпеть до последней крайности. Поскольку же в дела мира вмешивается множество случайностей и непредвиденностей, то с течением времени тому, кто упорствовал до конца, с разных сторон может явиться неожиданная помощь; и так как упорство происходило из веры, то справедливо говорится: кто имеет веру, тот творит дела великие... Пример тому в наши дни – величайшее упорство флорентийцев, которые, ожидая вопреки рассудку войны между императором и папой, без надежды на чью-либо помощь, разьединенные, среди тысячи трудностей, семь месяцев выдерживают за стенами натиск войск, между тем никто бы не поверил, что они выдержат и семь дней. И если флорентийцы доведут дело до того, что победят, никто уже не удивится, а ведь вначале все считали их обреченными – такое упорство во многом объясняется верой в то, что они не погибнут, ибо таково было предсказание Фра Джироламо из Феррары¹⁷.

2. Одни государи, отправляя посла, полностью сообщают ему свои тайные замыслы и цель, преследуемую в переговорах с тем государем, к кому посол направляется. Иные почитают за лучшее открыть послу лишь то, в чем он, по их желанию, должен убедить другого государя: если они хотят его обмануть, то им кажется, что сперва необходимо обмануть собственного посла, который служит им средством и орудием как переговоров, так и убеждения другого государя. И то и другое мнение по-своему справедливо. С одной стороны, если посол знает, что его государь хочет обмануть другого, навряд ли он будет говорить и действовать так же смело и твердо, как когда верит, что переговоры ведутся искренне и без притворства, уж не говоря о том, что он может по легкомыслию или умышленно выдать замыслы своего государя, каковых не выдал бы, если бы их не знал. С другой стороны, если сделка притворная, а посол верит, что она настоящая, то он часто идет гораздо дальше, чем требуется по делу: если посол верит, что его государь добивается известной ему цели, то он не так умерен и осмотрителен, как был бы, если бы знал действительную суть дела. Почти невозможно дать послам такие точные указания, чтобы предусмотреть все частные случаи, лишь собственное разумение может научить их в каждом случае сообразовываться с общей целью, но если человек не вполне о ней осведомлен, то он не сможет этого сделать, поэтому рискует тысячу раз ошибиться. Мое мнение состоит в том, что государь, имеющий послов разумных и честных, искренне преданных и зависящих от него настолько, что они не стремятся зависеть от других, лучше сделает, если раскроет им свой замысел; если же государь не уверен, что послы вполне таковы, то безопаснее не открываться им и постараться ради убеждения в чем-либо другого государя вначале убедить в том собственного посла.

¹⁷ Джироламо Савонарола (1452–1498) – монах-проповедник, с 1491 г. был приором доминиканского монастыря Сан-Марко во Флоренции. В своих проповедях осуждал упадок нравов в церкви и среди мирян. Он считал, что Флоренция призвана способствовать очищению христиан от нравственной скверны и возвращению церковной и мирской жизни к принципам раннего христианства. Папа Александр VI запретил Савонароле читать проповеди и даже в 1497 г. отлучил его от церкви. Отлучение Савонарола не принял, и конфликт с папой привел к обвинению его в ереси и сожжению на костре в 1498 г. Многочисленные сторонники Савонаролы верили, как и он, в высокое предназначение Флоренции.

3. Известно по опыту, что даже сильные государи испытывают большой недостаток в подобающих советниках; тут нечему удивляться, если государь не умеет судить о людях или по скупости не желает их вознаграждать. Но есть чему удивляться, когда такое происходит с государями, не имеющими подобных изъязнов; ведь очевидно, что множество людей всякого рода желает служить им и сами они готовы облагодетельствовать тех, кто им служит. Все это, однако, не покажется удивительным, если посмотреть на дело глубже; советник государя – я говорю о тех, кто вершит большие дела, – должен иметь чрезвычайные достоинства, а такие люди – величайшая редкость; кроме того, он должен быть человеком необычайной верности и честности, а это встречается еще реже. Если же нелегко найти людей, отвечающих хоть одному из этих требований, то насколько труднее найти людей, удовлетворяющих обоим! Государь разумный, думающий не об одном сегодняшнем дне, мог бы уменьшить эту трудность: предвосхищая мысль будущие надобности, он может подобрать советников, которые еще не вполне подготовлены, но если их испытывать в разных случаях и вознаграждать, то они приучатся к делу и будут целиком отдавать себя службе государю, ибо трудно сразу найти советников того склада, о котором говорилось выше, но всегда есть надежда со временем их воспитать. Хорошо известно, что светские правители, если имеют о том должное попечение, скорее находят советников, нежели папы; происходит это оттого, что светского государя больше чтят и на службе у него надеются дольше пробыть; причина тут та, что правление светского государя обычно продолжительнее, чем папское, а наследник его – это почти то же, что он сам, так что ему проще всего положиться на тех людей, которые работали или начали работать при его предшественнике. К тому же советники светского государя либо его подданные, либо взысканы его милостями и потому вынуждены всегда считаться с ним и бояться как его самого, так и его преемников. При папском же правлении дело обстоит иначе – ведь папы властвуют, как правило, недолго, и у них не хватает времени выбрать и поставить новых людей; у них нет также оснований верить людям, окружавшим предшественника, ибо советники пап – это выходцы из разных государств, не подчиненных папскому престолу, выгоды их не зависят ни от папы, ни от его преемников, поэтому они не боятся нового первосвященника и не надеются продолжить при нем свою службу; таким образом, есть опасность, что они окажутся более неверны своему господину или менее привержены ему, чем люди, служащие светским государям.

4. Если государи, когда им вздумается, унижают тех, кто им служит, и ради самого мелкого интереса оскорбляют их или прогоняют, то как могут они негодовать или жаловаться, если служители, даже помнящие о долге, верности и чести, покидают их или принимают сторону тех, от кого видят благо?

5. Будь люди достаточно разумны и благодарны, господину следовало бы при всяком случае оказывать благодеяния своим слугам, однако опыт показывает – и я испытал это на себе, – что, когда у слуги уже всего полно или когда господин не одарит его, как прежде, тот его бросает. Кто думает о своей выгоде, тот пусть зажмет руку: слугам лучше недодать, чем передать, – удерживать их надо больше надеждой на награду, чем самой наградой, а чтобы сохранить доверие, надо изредка щедро одарять кого-нибудь одного, и этого довольно. Ведь люди от природы так устроены, что надежда возбуждает их больше, чем страх; их больше утешает и обнадеживает пример одного облагодетельствованного, нежели устрашает вид тех многих, с кем поступили дурно.

6. Великая ошибка говорить о делах человеческих, не учитывая различий и обобщенно, подгоняя все, так сказать, под одно правило. Ведь изменчивые обстоятельства всегда рож-

дают отличия и исключения, которые нельзя мерить общей меркой; в книгах эти различия и исключения не записаны, так что научить им может только лишь собственное разумение.

7. Следите, чтобы без нужды не сказать в разговоре такого, что при передаче может кому-то не понравиться, – ведь зачастую это сильно вредит вам самим в неожиданное время и неожиданным образом; следите внимательно – ведь даже многие мудрые люди тут оступаются, да и трудно не оступиться; но, как ни велика трудность, гораздо больше будет пользы тому, кто сумеет это сделать.

8. Однако если необходимость или негодование вынудят вас оскорбить другого, остерегайтесь по крайней мере задеть еще кого-то помимо него; например, если вы хотите оскорбить определенное лицо, не говорите дурно о его отечестве, семье и родных, ибо великое безумие задевать многих, когда хочешь обидеть одного.

9. Читайте эти заметки часто и обдумывайте как следует, потому что понять и уразуметь их легче, чем следовать им; дело упростится, если вы усвоите их так крепко, чтобы они всегда были свежи в памяти.

10. Не полагайтесь всецело только лишь на природный ум, сам себя упрямо убеждающий, что достаточно его одного без участия опыта, – всякий, кто вел дела, будь он умнейший человек в мире, мог познать, что опытом достигается многое, к чему не могут привести одни только природные дары.

11. Пусть неблагодарность многих не отпугивает вас от того, чтобы делать людям добро; помимо того что благотворение само по себе и без всякой другой цели – дело благородное и почти божественное, иной раз, делая добро, встречаешь в ком-нибудь одном столько благодарности, что это вознаграждает за всю неблагодарность прочих.

12. У всех народов встречаются почти одни и те же или схожие пословицы, только сказанные другими словами; причина в том, что пословицы рождаются из опыта или из наблюдения над вещами, которые всюду одинаковы или схожи.

13. Кто хочет узнать мысли тиранов – пусть читает у Корнелия Тацита рассказ о последних беседах умирающего Августа с Тиберием¹⁸.

14. Нет ничего драгоценнее друзей, не упускайте поэтому случая приобретать их, когда только можете, ибо подходящие люди встречаются часто. Ведь от друзей бывает помощь, а от врагов – вред в такое время, когда ты не ждал, и в таком месте, о каком ты не думал.

15. Как все люди, я желал почета и выгоды и часто получал больше, чем хотел или рассчитывал, но ни разу не испытал того удовлетворения, о каком мечтал; вдумайтесь: разве это не основательная причина умерить пустые человеческие вожделения?

16. Величия и почестей обычно желает каждый, ибо всё, что в них есть привлекательного и хорошего, бросается в глаза, а то, чем они даются – какими заботами, трудами, тяготами и опасностями, – скрыто и незаметно. Будь эта сторона на виду так же, как привлека-

¹⁸ Публий Корнелий Тацит (ок. 55–120) – выдающийся римский историк. Основные сочинения – «Истории», «Германия», «Анналы». Гвиччардини имеет в виду его сочинение «Анналы» (I, 3–7).

тельная, то не нашлось бы причин мечтать о величии и почестях, кроме одной: чем больше люди окружены почестями, почитанием и поклонением, тем выше и подобнее Богу они кажутся, а кто же не желает Ему уподобиться!

17. Не верьте людям, которые твердят, будто добровольно, из любви к покою отказались от дел и мирского величия: чаще всего это произошло по их непригодности или по необходимости. Из опыта видно, что почти все они при первом намеке на возможность вернуться к прежней жизни отказываются от прославляемого покоя и набрасываются на дела так же яростно, как пламя на сухую или масляную поверхность.

18. Корнелий Тацит хорошо учит людей, живущих под управлением тирана, как им жить и как осторожно себя вести, – самих же тиранов он учит, как основывать тиранию.

19. Заговоры невозможны без участия других – следовательно, это дело чрезвычайно опасное; поскольку люди в большинстве своем либо неосторожны, либо дурны, то слишком рискованно иметь подобных сообщников.

20. Для тех, кто желает счастливого исхода заговора, нет ничего губительнее, чем чрезмерное старание все устроить как можно безопаснее и наверняка, – ведь в таком случае надо вовлекать в дело больше людей, тратить больше времени, искать удобного случая, а от этого больше риска, что заговор раскроется. Вы видите, как опасны заговоры, ибо здесь во вред все, что в других случаях идет на пользу; причина, как мне кажется, и в том, что фортуна, столь властная в этих делах, гневается на тех, кто посягает на ее могущество.

21. Я НЕ РАЗ ГОВОРИЛ И ПИСАЛ, что Медичи¹⁹ потому лишились верховной власти в 1527 году, что во многих случаях использовали приемы и учреждения, уместные при свободном правлении; я также высказывал мысль, что народ утратил бы свободу, если бы во многих случаях использовал приемы государства твердой руки. Заключение эти строятся на следующем: если Медичи, чье правление было ненавистно всему городу, хотели удержаться, им следовало создать опору из друзей им преданных, то есть из людей, которым их правление выгодно и которые, с другой стороны, опасались бы, что пропадут и не смогут оставаться во Флоренции, если Медичи будут изгнаны. Вместо этого Медичи широко раздавали почести и выгодные места в городе, не желая ничуть выделить благоволением друзей, породнившись с ними, и всячески показывали, что обходятся со всеми одинаково. Крайность в поощрении друзей заслуживала бы сурового осуждения, но, впад в противоположную крайность, Медичи не создали для своей власти опоры в лице преданных им людей. Если даже оказываемое поровну внимание нравилось всем, этого было недостаточно, ибо так крепко засело в сердцах людей желание вернуться ко временам Большого совета, что вырвать его нельзя было никакой кротостью, никакой снисходительностью, никаким угождением народу. О друзьях же можно сказать, что если правление Медичи им нравилось, то все же они не видели от него таких благ, чтобы рисковать собой; надеясь на то, что при разумном поведении можно будет спастись по примеру 1494 года, они скорее готовы были предоставить событиям идти своим чередом, чем противостоять напору извне²⁰.

¹⁹ Медичи – флорентийский род, разбогатевший в XV в. на торгово-финансовом предпринимательстве европейского масштаба. Козимо Старший, его сын Пьетро и внук Лоренцо Великолепный были фактическими правителями Флоренции при сохранении в целом ее республиканских порядков (они были полностью восстановлены после изгнания из города Пьетро Медичи, сына Лоренцо, в 1494 г.). Медичи вернулись к власти во Флоренции в 1512 г., но в 1527 г. были снова изгнаны сторонниками республики.

²⁰ В период реставрации республики (после изгнания Пьетро Медичи) многие сторонники Медичи сумели сохранить

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.